

В. Ю. Юрочкин

«ГОТСКИЙ» И «СЛАВЯНСКИЙ» ВОПРОСЫ В ПОСЛЕВОЕННОМ КРЫМУ

«Готский вопрос» принадлежит к числу наиболее политизированных проблем отечественной историко-археологической науки прошлого столетия¹. Активное изучение наследия крымских готов во второй половине 20-х гг. XX в. и стремление привлечь к исследованиям немецких ученых закончилось громким «Академическим делом», фигуранты которого, помимо прочего, были обвинены в шпионской деятельности в пользу Германии². Попытка сотрудников ГАИМК (В. И. Равдоникаса, Н. И. Репникова и др.) спасти «готское» направление исследований, посредством заключения его в рамки т. н. «стадиальной теории», имела лишь временный успех (рис. 1). Предложенная схема, сформированная в соответствии с постулатами «нового учения о языке» директора ГАИМК Н. Я. Марра, предлагала рассматривать готов в Крыму не как конкретную этно-культурную группу, а как абстрактную стадию развития аборигенного населения полуострова, не связанную с готами Западной Европы³. В 1936 г. в связи с очередной чисткой, учиненной в учреждениях гуманитарного сектора, она подверглась критике за «схематическую трактовку готской проблемы»⁴. В 1938 г. был арестован, а затем и осужден на 8 лет лагерей крымский историк и археолог, профессор Николай Львович Эрнст (1889–1956)⁵. Ему также вменялось в вину упоминание «Великого готского царства» в Тавриде в комментариях к переводу исторического сочинения И. Тунманна⁶. Накануне Великой Отечественной войны и в период временной оккупации Крыма немецко-фашистские власти активно использовали «готский вопрос» для обоснования «исторических прав» на полуостров⁷ (рис. 2).

После победы СССР над Германией политизация «готского вопроса» достигла апогея. Естественно, что в таких условиях он мог рассматриваться исключительно в негативном, критическом плане. К нему присоединилась и другая политическая и историческая проблема. В связи с депортацией крымских татар и массовым заселением полуострова выходцами из России, Украины и Белоруссии, снова встал вопрос об «историческом праве» на Крым, на этот раз со стороны славянского (русского) населения.

Задачи, поставленные перед историками – «бойцами идеологического фронта», выглядели довольно сложными. Ведь присутствие готов в Крыму на протяжении более чем тысячелетнего периода было отражено в обширной историографической традиции XIX – начала XX вв., основанной на многочис-

ленных нарративных и археологических источников⁸. Но еще более абсурдной была постановка «крымско-славянского вопроса», вовсе не имевшего какой-либо исторической основы. Притом речь шла о древнейших, исконных «крымских» славянах. Средневековые походы Руси, славяне в составе средневекового населения полуострова и аннексия Крыма Российской империей не могли компенсировать эту историческую лакуну. Вместе с тем появление славян на полуострове не следовало рассматривать как результат обычных миграций: с 30-х годов в СССР «миграционная теория» была приравнена к фашизму и расизму и исключена из методологического арсенала советских ученых⁹. Решение этих задач в рамках традиционной исторической науки не представлялось возможным. Советская археологическая наука с еще не устоявшейся методологией, пережившая ряд кризисов, имела больше перспектив в этом направлении. На этом этапе только археологи, открывая новые источники, были способны расширять грани исторического познания. Между тем «политически верная» атрибуция археологического материала позволяла по-новому реконструировать этно-исторические процессы, соответствующие современной конъюнктуре.

В гуманитарной сфере в это время безраздельно господствовало «новое учение о языке» Н. Я. Марра¹⁰. Конечно стадияльно-автохтонная схема В. И. Равдоникаса, завершавшаяся «готской стадией», уже не могла быть использована в прежнем виде. Но положение о стадияльной трансформации «аотохтонов» в исторические народы оказалось вполне приемлемым. Если исключить политически неудовлетворительную «готскую стадию» выяснялось, что ей предшествуют сармато-аланская и тавро-скифская стадии. Подобный базис уже вполне подходил для решения насущных задач.

Популярный миф о скифо-славянском родстве сложился еще в историографии XIX в. и достаточно прочно укоренился в обыденном сознании патристически настроенных жителей России, включая творческую интеллигенцию¹¹. Сам Н. Я. Марр считал славянский язык «потомком скифского и сарматского», принадлежавших к «яфетической группе», благодаря им, якобы, на юго-востоке Европы «происходила трансформация яфетических племен в славянские, в частности в русские...»¹². Дальнейшее развитие славянский автохтонизм получил развитие в 30–40 гг. XX в.¹³ В это время вновь актуализировалась сложная и разноплановая проблема Приазовской Руси¹⁴. Один из ведущих советских специалистов по «славянскому вопросу» – профессор Академии общественных наук при ЦК ВКП(б) Петр Николаевич Третьяков (1909–1976) также в эти годы придерживавшейся теории марровского автохтонизма, рассматривая скифов как вероятных участников формирования восточнославянского этноса, правда ограничивая область формирования Приднепровьем, исключая Крым (рис. 3)¹⁵.

Однако скифы обитали не только в Поднепровье, признававшемся колыбелью славянства, но и на Крымском полуострове, причем как минимум до III в. н. э. Отсюда следовало допущение: если в Поднепровье глобальные стадияльно-автохтонные процессы привели к формированию славянства, тоже самое неминуемо должно было произойти и в Таврике. В этой ситуации на роль предков славян могли претендовать скифы и даже более древнее население полуострова, известное под именем тавров.

Именно такую позицию в крымско-славянском вопросе и занял кандидат исторических наук, профессор Павел Николаевич Шульц (1900–1983) – специалист в области скифской монументальной скульптуры. До войны он работал в ГАИМК, Эрмитаже и Академии художеств, проводил раскопки в Ольвии и Северо-Западном Крыму. Во время войны П. Н. Шульц участвовал в партизанском движении, потерял обмороженные пальцы рук, был награжден Орденом Славы и боевыми медалями (рис. 4)¹⁶. С 1943 г., после ранения, П. Н. Шульц работал в Москве, был ученым секретарем ИИМКа, администрация которого с 1945 г. переместилась из Ленинграда в столицу, затем заведовал античным сектором ГМИИ им. А. С. Пушкина¹⁷.

Несмотря на немецкие корни и социальное происхождение (дворянин, сын петербургского профессора-биолога) именно Павел Николаевич возглавил работу по поиску предков славян в Крыму. В настоящее время не вполне ясно: была ли эта идея ему навязана партийным руководством или он по собственной инициативе использовал сложившуюся ситуацию для развития скифской археологии – основного направления его научных интересов.

Всего через полгода после окончания войны в Крыму начала действовать особая научно-исследовательская организация – «Тавро-скифская экспедиция», учрежденная ГМИИ им. А. С. Пушкина и ИИМК им. Н. Я. Марра. Научному коллективу под руководством П. Н. Шульца и предстояло собрать доказательства роли «крымских скифов в процессе формирования культуры и государственности восточных славян»¹⁸. Скифов следовало представить не «дикими варварами», явно не годившимися в предки русского народа, а наиболее «передовым народом восточной и центральной Европы»¹⁹, имевшим свою государственность, высокоразвитое искусство и ремесло. В связи с депортацией крымских татар, не менее актуальной казалась аргументация несостоятельности расхожего мнения о «монгольском» происхождении скифов²⁰.

Уже вскоре экспедицию ожидало сенсационное открытие мавзолея знати в скифской столице Неаполе (рис. 5). На раскопках в качестве землекопов, помимо вольнонаемных рабочих, трудились немецкие военнопленные. По иронии судьбы, бывшие солдаты и офицеры Вермахта, теперь занимались поисками «скифских предков» славян. Под руководством хранителя центрального музея Крыма Владимира Петровича Бабенчикова (1885–1974) изучались вырубные склепы с варварской росписью, содержавшей декоративные элементы, якобы, сходные со славянскими (рис. 6, 7)²¹.

Вскоре к «Тавро-скифской экспедиции» по просьбе П. Н. Шульца присоединился Евгений Владимирович Веймарн (1905–1990), к тому времени демобилизованный с Дальнего Востока, отмеченный медалями и Орденом Отечественной войны за войну с Японией (рис. 8). Е. В. Веймарн, происходивший из дворянской семьи обрусевших немцев, сын офицера царской армии, расстрелянного во время революционных событий, свою археологическую деятельность начал еще в середине 20-х гг. в Севастопольском музее краеведения, в археологическом кружке под руководством братьев Владимира Петровича и Павла Петровича Бабенчиковых. Даже после переезда из Севастополя в Москву в 1925 г., где после окончания МГУ он работал в ГИМе, Е. В. Веймарн оставался непре-

менным участником Эски-Керменской экспедиции ГАИМКа под научным руководством Николая Ивановича Репникова (1882–1940) (рис. 9). По материалам этих исследований в 1947 г. Е. В. Веймарн защитил кандидатскую диссертацию, посвященную оборонительным сооружениям городища. Вернувшись в Крым, Е. В. Веймарн возглавил отдельный Бахчисарайский горный отряд²².

В 1948 г. П. Н. Шульцу Президиумом АН СССР было поручено расширить сферу деятельности и организовывать Крымскую научно-исследовательскую базу, ведущую роль в которой занимал Сектор истории и археологии. База затем была преобразована в Филиал Академии наук, а сектор – в Отдел истории и археологии Крыма под руководством Павла Николаевича²³. Удивительно, что во главе крымской археологии (а подобные назначения в те годы никак не могли пройти мимо партийных органов), призванной решать важные идеологические задачи, встали ученые, отнюдь не безупречного социального и этнического происхождения, хотя и доказавшие свою верность стране в годы войны.

По версии П. Н. Шульца, после распада Великой Скифии в III в. до н. э. скифы создали в Крыму государство со столицей в Неаполе (городище Керменчик в историческом центре г. Симферополя), просуществовавшее здесь до раннего средневековья. Такая концепция, соединяла в единое целое Крым и Поднепровье. Он писал: «Как крымские, так и приднепровские поздние скифы, тесно связаны между собой, составляли основное ядро скифского государства. И тех и других мы вправе рассматривать как одну из южных групп протославянских племен, входивших в состав скифского народа»²⁴. Верхнюю границу государства поздних скифов Павел Николаевич определял концом IV в. – временем вторжения в Причерноморье гуннов²⁵. Эпохе «готских войн» середины – второй половины III в. в этой конструкции места не было. Для общественного сознания более приемлемой казалась катастрофа, постигшая скифское государство от нашествия диких орд варваров-тюрков, нежели поражение «предков славян» от германцев-готов. В эти годы даже исследователи «готских походов» умело обходили германскую тему, представляя события как классовую борьбу варварских (скифских, аланских и, естественно, славянских) племен с Римской империей²⁶.

Ввиду отсутствия конкретного археологического материала, который можно было бы хотя бы отдаленно назвать «славянским», приходилось довольствоваться декларациями. «В высокой для своего времени материальной и духовной культуре поздних скифов в Крыму удалось установить много новых точек соприкосновения с культурой древних славян. В характере скифских городов и жилищ, в частности, в коньках на крышах, посуде, деревянной резьбе, орнаменте, погребальном обряде... находим много общих черт с древнейшими памятниками славянской культуры, с русским и украинским народным искусством»²⁷. Отсюда следовал вывод «...культура скифов является одним из источников русской культуры». А поэтому те, «кому дороги исторические судьбы русского народа не могут сейчас пройти мимо памятников Новгорода (Неаполя – В. Ю.) Скифского...», поскольку «земли Крыма еще в исконные времена принадлежали славянам и русским и их предкам – скифам»²⁸. Кроме того, Павел Николаевич, выстраивая хронологию Неаполя, отмечал, что якобы поселение

«частично сохраняется и позднее в V и VI веках, т. е. примыкает по времени к началу образования славянских государств в Восточной Европе».

Но далее начиналась крымское средневековье с его явно неудобным «готским вопросом». Уже в 1946 г. Шульц констатировал – «для полноты картины скифо-славянских взаимосвязей» не хватает исследования «славянских поселений и древнейших городов Крыма» в Коктебеле (Тепсень) и Суроже (Судак) и «невьяснена роль славян в населении Дори»²⁹. Между тем вмешиваться самостоятельно в «готский вопрос» П. Н. Шульц не решался. По сложившейся схеме приоритет в изучении средневекового периода был отдан Е. В. Веймарну, возглавившему Бахчисарайскую историко-археологическую станцию Крымской базы, а затем и Крымского Филиала АН СССР³⁰. При создании Станции, основной задачей была названа «проблема истории аборигенного населения». Для ее решения предполагалась исследовательская работа по нескольким направлениям: «Сарматские и аланские поселения и могильники в юго-западном Крыму», «Вопрос о готах в юго-западном Крыму», «Славяне в юго-западном Крыму, взаимосвязи княжеств юго-западного Крыма с Киевской Русью». Е. В. Веймарн был хорошо знаком со всеми перипетиями вокруг «готского вопроса». И именно ему теперь предстояло в угоду политической конъюнктуры полностью дискредитировать проблему, когда-то поднятую одним из его наставников – Н. И. Репниковым – первооткрывателем могильников «области крымских готов»³¹. Из списка задач Бахчисарайской станции, собственноручно составленного Е. В. Веймарном, следует, что в 1948 г. ученый планировал аргументировать все позднеантичные и раннесредневековые памятники Юго-Западного Крыма как «сарматские и аланские»³². Смещение акцентов в сторону памятников «сарматского и аланского населения» – не случайно.

Еще в 1946–1947 гг. Музеем пещерных городов в Бахчисарае начались раскопки раннесредневекового могильника у подножия «пещерного города» Чуфут-Кале. Раскопками руководил Павел Петрович Бабенчиков (1882–1947). В 30-х гг. он несколько лет провел в лагере и ссылке за причастность к «Академическому делу»³³, а после войны занял пост заместителя директора по научной части Музея пещерных городов. Среди погребальных сооружений некрополя преобладали склепы, аналогичные раскопанным в Суук-Су и Эски-Кермене, а в числе погребального инвентаря присутствовали предметы «готского типа»: пластинчатые и орлиноголовые пряжки, зооморфные фибулы и т. п. Около четверти захоронений было совершено в подбойных могилах, встречались и деформированные черепа³⁴. Если бы памятник исследовался до войны, он, наверняка, был бы причислен к «готской стадии». Но теперь Е. В. Веймарн, заканчивавший в 1948 г. полевой отчет вместо скоропостижно скончавшегося П. П. Бабенчикова, интерпретировал памятник как аланский могильник³⁵. Эту позицию принял и П. Н. Шульц, не преминув указать на сходство чуфут-калинских склепов с позднейшими склепами некрополя Неаполя Скифского³⁶.

На аналогии между погребальными сооружениями алан Северного Кавказа и раннесредневековыми захоронениями Крыма указывал еще В. И. Равдоникас³⁷. Однако рассматривая этот феномен в рамках «учения Марра», отрицавшего роль миграций в этногенезе, предлагал считать его результатом общих

«стадиальных» процессов в среде автохтонов этих двух регионов. Остается не вполне ясным, как воспринимал крымских алан Е. В. Веймарн: как мигрантов или как стадию развития местного населения, потомков тавро-скифов? Но в любом случае в обстановке тех лет «аланская» атрибуция взамен «готской» была, по крайней мере, политически приемлема. В общественном сознании аланы-осетины воспринимались положительно: этот малый народ всегда оставался верным союзником и проводником русской политики на Северном Кавказе и явно не собирався предъявлять территориальных претензий на Крым. К тому же осетинские корни имел и руководитель страны – И. В. Сталин.

Скорее всего, интерес к раскопкам крупного могильника у подножия Чуфут-Кале проявился не случайно. Е. В. Веймарн писал, что эти раскопки предпринимались с целью уточнения племенной принадлежности могильника, «для проведения аналогии с инвентарем так называемых «готских могильников», фактически являющихся... – аланскими, поскольку они размещены на склоне аланских Фулл»³⁸. Загадочный крымский город Фуллы, точное местонахождение которого до сих пор остается дискуссионным³⁹, историографическая традиция прочно связывала с аланами⁴⁰. В начале XIV в. на плато Чуфут-Кале действительно располагался центр «Крымской Алании», известный как Кырк-Ор⁴¹. И хотя между последними захоронениями могильника и аланским Кырк-Ором существовала полутысячелетняя хронологическая лакуна (ее якобы заполняли «аланские» Фуллы), само местонахождение раннесредневекового могильника казалось давало определенные предпосылки для новой этнической атрибуции группы памятников аналогичных «Суук-Су» и «Эски-Кермену». При заведомом решении «готского вопроса» не в пользу готов, аланы становились наиболее удобными, если не единственными «легитимными» претендентами на создание культурного облика раннесредневековой Таврики. Таким образом, скомпрометированному «готскому Доросу» Е. В. Веймарн тогда противопоставил – другой эталонный памятник «аланский Кыр-Ор – Чуфут-Кале» с соответствующими атрибутами материальной культуры и погребального обряда.

В 1948 г. экспедиция Крымской научно-исследовательской базы АН СССР и Музея пещерных городов под руководством Е. В. Веймарна, при участии В. П. Бабенчикова и заместителя директора Херсонесского музея Станислава Францевича Стржелецкого (1910–1969) проводила раскопки Инкерманского могильника в долине р. Черной вблизи Севастополя (рис. 10).

Могильник был обнаружен еще до войны. Результаты предвоенных работ в 1947 г. были частично опубликованы С. Ф. Стржелецким, явно находившегося под влиянием «стадиальной теории» В. И. Равдоникаса. Он обращал внимание, что обнаруженный здесь склеп IV в. имеет аналогии с одной стороны в некрополе Херсонеса, с другой в т. н. «готских могильниках» Эски-Кермена и Суук-Су. В тоже время он призывал рассматривать «готскую культуру» как комплекс памятников «местной материальной культуры, которая складывалась в результате синтеза культур двух активно взаимодействовавших обществ: местного – таврского, позднее тавро-скифского, с одной стороны и греко-римского (Херсонес) с другой». Все это согласно С. Ф. Стржелецкому звенья «чисто местного процесса». Не отрицая реальности «готов» Крыма, автор подчеркивал, что так

именовалась лишь «господствующая верхушка, меньшинство» и в них нельзя видеть «нечто целостное и монолитное». По заключению С. Ф. Стржелецкого «одни «готы» это население восточной части Крыма на Боспоре, где их основной основой были сарматы, совершенно иное «готы» в юго-западном Крыму, где их основой были тавро-скифы». Следовательно, это «конкретные исторически сложившиеся этнические образования, которые, хотя и шли в своем общем развитии одинаковым путем (находились на одной стадии – В. Ю.), оставались разными «народами», разными «готами» в Крыму»⁴².

Теперь же экспедицией Е. В. Веймарна было обнаружено значительное число подбойных и грунтовых могил IV в., а так же несколько склепов, конструктивно схожих с раннесредневековыми⁴³. По окончании раскопок Е. В. Веймарн не стал спешить с этнической атрибуцией могильника, лишь отметив, что «мы имеем в Инкермане тавро-сарматский конгломерат, находившейся под влиянием античной культуры» и указав на сходство пряжек и серолощенного сосуда из могилы № 37 с древностями черняховского типа⁴⁴. В отличие от С. Ф. Стржелецкого, какой-либо аналогии некрополя с «готскими могильниками» Е. В. Веймарн отмечать не стал. Вообще же, несмотря на самолично заявленные направления научной работы Бахчисарайской станции, ее руководитель и в эти годы и позднее явно стремился уклониться от каких-либо конкретных разработок по «готскому вопросу», так и не предложив обобщающего исследования на эту тему, ограничившись общими критическими замечаниями предшественников⁴⁵. Причины вполне очевидны, учитывая его немецкое происхождение и многолетнее участие в одиозных эски-керменских раскопках.

Попытку такой работы предпринял В. П. Бабенчиков. В научном архиве КФ ИА НАН Украины сохранилась его рукопись «Готы в Крыму», относящаяся, судя по всему, к 1948 г.⁴⁶. В ней автор ставил актуальную задачу «пересмотреть материал по «готскому вопросу» в противовес «пропаганде немецко-фашистских захватчиков» и позициям некоторых ученых прошлого. Основной фактологический материал автор черпал в одноименном русскоязычном издании А. А. Васильева⁴⁷, а подбор критических аргументов – в давно устаревшей работе В. Н. Юргевича, включая нелепое высказывание о жителях Феодоро-Мангула как о германоязычных евреях-переселенцах⁴⁸. Исходным тезисом работы стала позднеантичная традиция отождествления «готов» и «скифов» как синонимов слову «варвар». Отсюда якобы проистекало положение, что «варварская территория» – Готия, а затем и Готская епархия это всего-навсего административно-топографические и церковные термины, не имеющие отношения прямого к этническим германцам. По мнению Бабенчикова, если таковые и проникли в Крым в III столетии, то составляли незначительное меньшинство, а их потомки «растворились в среде горного коренного крымского населения». Поэтому, предлагал автор, во избежание недоразумений, следует отказаться от «неудачного термина – готы и заменить его термином «дориты» – т. е. жители страны Дори, разумея под этим термином как автохтонов Крыма – тавров и скифов, так и осевших здесь позже сарматов, аланов, гуннов, мадьяр, русских...»⁴⁹. Для идеологического разоблачения «готского вопроса» статья была недостаточно жесткой, а с научной точки зрения – компилятивной, потому и не была

опубликована. Этому поспособствовал Павел Наумович Надинский (1894–1961), формально – младший научный сотрудник Отдела истории и археологии, а фактически его партийный идеолог, выполнявший своего рода роль «комиссара» при П. Н. Шульце, главный апологет идеологической формулы крымских историков «Крым – исконно русская земля».

Об этой одиозной личности стоит сказать особо. Подлинное его имя – Савелий Наумович Посягин. Происходил он из российской глубинки, член ВКП(б) с 1917 г., служил в ЧКа. В Крым был направлен в 1931 г., занимал ряд ответственных партийных постов. Административному росту помешала тяжелая болезнь, поразившая его еще в Гражданскую войну. В итоге в результате операций он лишился обеих ног, левой руки и кисти правой. Надинский-Посягин не получил фактически никакого специального образования. За плечами у идеолога крымских историков было три класса церковно-приходской школы и курсы марксизма при Комакадемии⁵⁰. В силу этих обстоятельств Надинский не обладал навыками профессионального ученого, зато отлично понимал политику партии в вопросах истории и идеологического строительства. Когда создавалась Крымская База АН СССР, Павел Наумович как верный партии «боец идеологического фронта» был зачислен в ее штат. Без его одобрения не обходилась ни одно мероприятие, ни одна публикация. Неудивительно, что статья В. П. Бабенчикова по столь важному вопросу попала на рецензию Павлу Наумовичу. Рукопись этой рецензии также сохранилась⁵¹. Надинский настаивал: «теории» о готах изначально создавались враждебными историками (среди которых действительно было немало ученых немецкого происхождения) для обоснования «исторических прав на Крым». Среди них он особо выделял «профашистского пропагандиста» Н. Л. Эрнста, почему-то приписывая именно ему (а не Н. И. Репникову) актуализацию «готского вопроса» в 1920-е годы. В целом рецензент положительно оценил идею статьи, но нашел ее недостаточно аргументированной, требуя от автора выступать с более принципиальной критикой, а не «отделяться общими фразами»⁵². Почему П. Н. Надинский не дал ей хода – понять несложно. Не отягощенный ни научным мышлением, ни специальным образованием, но свято веривший установкам партии, Надинский-Посягин приступил в январе 1950 г. к подготовке «Очерков по истории Крыма», сначала как популярной брошюры, а затем – кандидатской диссертации⁵³. Книга должна была показать широким массам, что Крым – исконно русская земля, колыбель славянства. Естественно в такой работе «историк Надинский» пользовался данными и идеями, заимствованными у сотрудников Отдела истории и археологии, работавшими тогда всецело в рамках автохтонной теории Н. Я. Марра.

Но летом 1950 г. произошло событие, потрясшее весь гуманитарный сектор советской науки. Сам И. В. Сталин на страницах «Правды» выступил против вульгаризированных взглядов Марра, назвав их противоречащими марксизму⁵⁴. Для историков, разрабатывавших этногенез славян, в том числе и крымских, это была настоящая катастрофа. Теперь уже не было возможности выводить славян непосредственно из скифов. Возможно, самого Павла Николаевича это событие могло даже порадовать, ведь теперь не было надобности выдумывать абсурдные «точки соприкосновения», фальсифицировать историю и наконец можно было

заняться нормальными научными изысканиями в созданной им академической структуре. А вот П. Н. Надинского это должно было напугать. Привыкший к околону научной идеологической демагогии, он, ревностный партиец, как историк волею тов. Сталина оказался настоящим «марристом», а завтра мог стать и «врагом народа». Ярлык «маррист» становился серьезным обвинением и это при том, что подавляющее большинство советских историков и языковедов в послевоенный период вольно или невольно работали в рамках марровской автохтонной концепции! Одним из первых от «марровского наследия» стал отрешиваться П. Н. Третьяков. В статье, помещенной в редактируемом им журнале «Вопросы истории», в число «марристов» был зачислен и П. Н. Шульц за свою позицию о крымско-скифском происхождении славянства⁵⁵. П. Н. Шульц выступил с ответной критикой в адрес П. Н. Третьякова⁵⁶, а также против «вульгарной теории Н. Я. Марра о «стадиальности» и известной позиции В. И. Равдоникаса⁵⁷.

В этой новой и неопределенной ситуации позиции П. Н. Шульца и стоявшего за ним П. Н. Надинского в академической и партийной сфере явно пошатнулись. И это при том, что идеологический лозунг «Крым-русская земля» не был снят. Теперь тот, кто разрешит «крымско-славянский вопрос» вне учения Н. Я. Марра, явно мог претендовать на лидерство в крымской археологии.

В 1950 г. Инкерманская экспедиция (Е. В. Веймарн, В. П. Бабенчиков и С. Ф. Стржелецкий) продолжила раскопки в долине р. Черной. На так называемом Чернореченском могильнике (Инкерман-II в полевой документации) в подбойной могиле был обнаружен еще один сероглиняный лощеный орнаментированный кувшин черняховского типа⁵⁸ (рис. 11) и даже открыт целый участок с захоронениями-кремациями, помещенными в лепные сосуды и амфоры⁵⁹. И хотя находки были единичными, они, казалось, указывали на некую связь инкерманских некрополей с областью черняховской культуры Приднепровья, считавшейся тогда материальным отражением раннеславянских племен антов.

Между тем выяснилось, что Инкерманская долина не единственный регион, где обнаружены сосуды черняховского типа и захоронения-кремации.

В 1951 г. В. Д. Блаватский опубликовал результаты раскопок римской крепости Харакс на м. Ай-Тодор (между Ялтой и Алушкой), проводившихся в 1931, 1932, 1935 гг. В их числе – материалы могильника с кремациями, прилегавшего к стенам крепости⁶⁰. Отмечая, что некрополь относится ко второй половине III–IV вв., т. е. к периоду, когда крымское побережье стало ареной готского вторжения, автор публикации спешил подчеркнуть: изученный им некрополь не включает ничего «специфически готского, а в его могилах погребались останки потомков обитателей «сапбае», культура которых носила смешанный характер⁶¹. Могильник действительно не походил на «готский», т. к. совершенно не соответствовал довоенным представлениям о раннесредневековой готской культуре Крыма: здесь не было ни склепов, ни украшений типа Суук-Су или Госпитальной улицы. Однако дело не только в этом. Еще в 1930 г. Владимир Николаевич Дьяков (1882–1959) издал работу о древностях Ай-Тодора⁶², включив в нее памятники таврской эпохи, римского времени и средневековый монастырь св. Феодора Тирона. Этот монастырь, как он тогда считал, был одним из важнейших центров эпохи христианизации готов, поскольку имя его небесного патрона совпадало с именем

столицы Готии – Феодоро и его ранней формой «Дори». В. Н. Дьяков полагал: «претендентом на это древнее имя» имеет право быть южнобережный Ай-Тодор, который «из большого городища (oppidum) тавров обратился в центральный римский кастел Чагах Таврический, разросся в римскую эпоху в подобие города – civitas... был позднее центром культа главного патрона готов Феодора Тирона... стал, наконец, естественным центральным стратегическим пунктом «приморской области Дори»⁶³. В. Д. Блаватский не стал открыто критиковать своего предшественника и считал благоразумным отмежеваться от «готской темы» вовсе, тем более, что версия В. Н. Дьякова отнюдь не подтверждалась археологическим материалом. Не стал В. Д. Блаватский комментировать и находку железного умбона щита и кремационный обряд захоронения – абсолютно не свойственный обитателям Крыма, пусть даже имевшим «смешанный характер».

В условиях компании борьбы с «марризмом» и смены научных парадигм обострились и противоречия между деятелями науки, в основе которых иногда лежали личные мотивы. Показательна в этой связи история со статьей Е. В. Веймарна и С. Ф. Стржелецкого «О славянах в Крыму». Обнаруженные ими в Инкерманской долине предметы черняховского типа и кремации позднеантичной эпохи дали основания утверждать – данные артефакты свидетельствуют о проникновении на полуостров славянского населения из Поднепровья на рубеже античности и средневековья. До 1950 г. подобная «миграционистская» трактовка казалась невозможной. Теперь же некогда осужденное «буржуазное учение» вновь обрело право на существование. Несмотря на новаторский подход к трактовке «славянской проблемы» и аргументы, по тем временам казавшиеся довольно вескими, идею публикации статьи и даже доклада П. Н. Шульц воспринял холодно и настороженно. Дело в том, что помимо концептуально-содержательной части там присутствовала открытая критика в его адрес, обвинения в приверженности «марризму». Критикуя руководителя крымской археологии Е. В. Веймарн и С. Ф. Стржелецкий, удачно выбрав момент, направляли свой удар не только против П. Н. Шульца, но и против его «партийного патрона» П. Н. Надинского. Не добившись возможности сделать доклад на заседании Отдела истории и археологии и получить одобрение на публикацию, соавторы перенесли дискуссию в стены Парткабинета Симферопольского горкома ВКП(б)⁶⁴. Судя по сохранившимся документам инициатором жесткой позиции был С. Ф. Стржелецкий, считавший П. Н. Шульца причастным к его смещению с поста заместителя по научной работе Херсонесского музея и даже писавший доносы на Павла Николаевича в Крымский обком ВКП(б)⁶⁵. Естественно отношения П. Н. Шульца и Е. В. Веймарна также обострились.

В январе 1952 года в печати вышла книга П. Н. Надинского «Очерки по истории Крыма», рассчитанная на широкий круг читателей. В духе времени П. Н. Надинский во вступлении клеймил предшественников «буржуазных историков», раскрывая их главную ошибку, заключавшуюся в том, что «история Крыма рассматривалась и освещалась оторвано от истории народов СССР, точнее – от русской истории»⁶⁶.

Естественно, что книга готовилась еще до развенчания учения Н. Я. Марра. Хотя имя последнего уже не упоминается, история древнего и средневекового

Крыма в изложении П. Н. Надинского прямо пронизана «марризмом» и построена на концепции скифо-славянского родства⁶⁷. Если обратиться к картине древней этнической истории полуострова, представленной П. Н. Надинским, то она окажется предельно статичной и написанной в рамках еще недавно господствовавшей «автохтонной теории». П. Н. Надинский не обошел вниманием и готов. Но это уже не «автохтоны Равдоникаса», характеризующие некую «стацию» крымской истории, а чуждые пришельцы, которых следует «поставить на место». В этой части работы прозвучал тезис о «растворении и ассимиляции» мигрантов коренными жителями, в данном случае – тавро-скифами, о чем писал в неопубликованной статье В. П. Бабенчиков. Вслед за П. Н. Шульцем, автор «Очерков...» рубежным этапом назвал гуннское вторжение IV в., которое привело к гибели скифского государства и оттеснению тавро-скифов к горам. В результате этого у местного населения стали развиваться феодальные отношения, которые иллюстрируют «пещерные города». Правда, Надинский допускал: «среди оседлого населения, кроме тавроскифов, находились родственные им племена, оттесненные к горам Крыма кочевыми ордами, в частности, аланы (данную идею, он судя по всему, заимствовал у Е. В. Веймарна)⁶⁸. Для Надинского «крымские готы» лишь историографический миф – дело рук германского нацизма: «Вот эту-то группу наемников-готов, осевшую в Крыму и полностью растворившуюся среди местного населения, немецкие буржуазные историки и их подпевалы пытались, грубо фальсифицируя историю, изобразить «народом», якобы «оплодотворившим» своей готской культурой население Крыма. Больше того, они приписывали этой группе готов создание самостоятельного в Крыму государства, которое будто-бы просуществовало здесь вплоть до XIV–XV вв. и даже далее»⁶⁹. Вообще высказывания Надинского подкупают честностью. Он никогда не маскировался под «академизм» и четко излагал суть проблемы в духе настроений и задач времени. «Византийцы содержали здесь (в Крыму – В. Ю.) свои вооруженные отряды и, несомненно, пресловутые «крымские готы», пользовавшиеся заботой и вниманием императора, являлись наемниками Византии, выступая против тех, кто восставал против византийского господства»⁷⁰. Отсюда следовало: готы не только наемники-чужеземцы, но и пособники эксплуататоров в лице «византийского империализма». Несмотря на приверженность скифо-славянской концепции, автор выделяет крымско-славянский вопрос в отдельный раздел. На первый взгляд это кажется несколько искусственным. Но ведь первоначальная работа базировалась на теории Н. Я. Марра, но в новых условиях кроме теорий и деклараций следовало подтверждать ее конкретным материалом. В археологии таких фактов было пока немного и П. Н. Надинский иллюстрировал свою книгу находками из Чернореченского могильника, почему-то проигнорировав инкерманские артефакты⁷¹. Публикуя фото черняховского кувшина, П. Н. Надинский замечал: «...коренные жители Крыма сумели сохранить свои отличительные черты в общественно-культурном развитии, роднящие их со славянами Приднепровья», а, следовательно, «наши предки славяне, начиная со скифской поры вплоть до татарского нашествия, непрерывно проживали в Крыму»⁷². Из этого читателю следовало сделать однозначный вывод: Крым изначально принадлежал славянам и их предкам,

а крымские готы – выдумка буржуазных историков и германских нацистов. Остается добавить: за «Очерки по истории Крыма» П. Н. Надинскому без защиты диссертации была присуждена степень кандидата исторических наук.

Хотя очерк древнейшей крымской истории и состоял из заимствованных у других ученых идей и гипотез, довольно грубо скомпилированных и сдобренных идеологической риторикой, П. Н. Надинский рассчитывал на признание научного сообщества и выдвижения в лидеры крымских историков. Безусловно, в книге можно было бы избежать противоречий и несоответствий, но ее автор спешил, ведь весной 1952 г. должна была состояться объединенная научная сессия Отделения истории и философии АН СССР и Крымского филиала АН СССР, посвященная проблемам истории Крыма, возникшим после крушения «марризма».

Сессия открылась в Симферополе 23 мая, собрав значительное число ведущих ученых из Крыма, Москвы и Ленинграда. Ход сессии и выступления, зачастую отличавшиеся эмоциональным накалом и показательной идеологизированной риторикой, позволяет реконструировать стенограмма, хранящаяся в КФ ИА НАНУ⁷³. На выступлениях, касающихся «готского» и «славянского» вопросов, автор данной статьи уже имел возможность подробно остановиться⁷⁴. Напомню, что проникнутая «марризмом» книга П. Н. Надинского была воспринята неоднозначно, если не сказать – отрицательно. А вот позиция Веймарна-Стржелецкого о славянах-мигрантах осевших в Крыму в III–IV вв. была поддержана Б. А. Рыбаковым и другими выступавшими⁷⁵. Относительно археологических источников, связываемых с готами, довольно резко высказалась сотрудник Отдела истории и археологии антрополог К. Ф. Соколова. В ее выступлении речь шла о средневековом могильнике Алушты, недавно исследованном В. Ю. Кухаренко. Последний в полевом отчете сделал вывод о принадлежности могильника готскому населению (в действительности это было позднесредневековое христианское прицерковное кладбище XIV–XVIII вв. – В. Ю.)⁷⁶. В результате последовало предупреждение: «укоренившееся мнение, унаследованное от буржуазных историков и археологов, мешает углубленному научному исследованию истории Крыма и направляет историков по ложному пути», а затем и вывод: «исследуемые ...черепки принадлежат не готскому, а сармато-аланскому населению», и даже более того предложено взять под сомнение принадлежность готов к германскому миру⁷⁷. И уж совсем нелестная история произошла с выдающимся отечественным лингвистом-иранистом, сотрудником Института языкознания АН СССР Василием Ивановичем Абаевым (1900–2001) (рис. 12). В докладе он пытался рассказать о частном «боспорском сюжете» нартического эпоса⁷⁸. Но доклад не был завершен: Василий Иванович был обвинен в «паналанизме» и был вынужден покинуть трибуну⁷⁹. С. Ф. Стржелецкий вновь попытался при широкой аудитории упрекнуть П. Н. Шульца и П. Н. Надинского в «марризме» и зажиме критики в свой адрес. Выступление самого П. Н. Надинского было пересыщено квазинаучной риторикой, грубыми историческими ошибками и нелепостями.

После окончания работы (25 мая 1952 г.) Сессия приняла Решение, в котором, в частности, отмечалось, что в изучении истории Крыма «...наблюдалась фальсификация исторической роли готов. Готы, составлявшие в III–VI вв. незначительную часть пришлого населения Крыма постепенно ассимилированные,

объявлялись создателями никогда не существовавшего готского государства. Эта реакционная теория, созданная для оправдания немецкой империалистической агрессии, проникла в отдельные работы советских археологов (В. И. Равдоникас)... Схоластическая антинаучная концепция Марра в вопросе этногенеза славян проникла в работы некоторых историков и археологов. В опубликованных в 1950–1951 гг. работах П. Н. Шульца и П. Н. Надинского имеются ошибочные положения по этногенезу славян»⁸⁰. Тезис о малочисленности пришлых готов и их культурной ассимиляции местными жителями на долгие годы стал основной формулой при подходе к «готскому вопросу» в советской науке.

Вскоре в Крыму встал вопрос о создании «археологической славянской группы» и П. Н. Надинский настоятельно требовал от колеблющегося П. Н. Шульца определиться с ее руководителем, вероятно видя себя в этом качестве⁸¹.

Уже в сентябре 1952 года Е. В. Веймарн вновь возобновил работы Инкерманской экспедиции и начал исследования раннесредневекового могильника у высоты «Сахарная Головка»⁸². Могильник оказался сходным с одной стороны с Инкерманским и Чернореченским, а с другой – с широко известным некрополем Суук-Су, прежде считавшемся эталонным памятником крымско-готской культуры. Но Е. В. Веймарн, развивая наступление на «славянском фронте» и его зачислил в «антские», после критики В. И. Абаева отказавшись от аланской атрибуции подобных древностей (рис. 13). При таком раскладе лидерство Е. В. Веймарна в крымско-славянском вопросе казалось несомненным, тем более что наконец-то в «Вопросах истории» была опубликована злополучная статья о крымских славянах⁸³.

Наметившееся противостояние в «славянском вопросе» по линии Шульц-Надинский – Веймарн-Стржелецкий явно разрешалось в пользу последних.

Но в конце 1952 года внезапно против Е. В. Веймарна было возбуждено уголовное дело⁸⁴. Руководитель Инкерманской экспедиции 1948 и 1950 г. и прежняя директриса Музея пещерных городов обвинялись в растрате государственных средств. В крымской прессе деятельность экспедиции, да и всего Отдела истории и археологии была выставлена в негативном свете⁸⁵. Личное дело Евгения Владимировича рассматривалось на общем заседании, была предпринята попытка отстранить его от работы⁸⁶. Сам Веймарн считал причастными к этой ситуации сотрудников сектора истории под руководством П. Н. Надинского⁸⁷.

В итоге противникам Е. В. Веймарна не удалось достигнуть своих целей: в связи с «бериевской амнистией» 1953 г. суд освободил Евгения Владимировича от наказания⁸⁸, а Президиум отменил свое решение о его увольнении. В благополучном исходе дела не последнюю роль сыграла позиция П. Н. Шульца, во время следствия ставшего на защиту своего подчиненного и оппонента. После этого между двумя лидерами крымской археологии вновь восстановились теплые доверительные отношения⁸⁹.

В 1954 г. Крымская область вошла в состав Украинской ССР. Лозунг «Крым – русская земля» утратил свою актуальность. Что же касается «готского вопроса», то решения Сессии 1952 г. формировали официальную позицию отечественных ученых вплоть до распада СССР, а некоторые ее отголоски имеют место даже в современной научной и научно-популярной литературе.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Рис. 1. Владислав
Иосифович Равдоникас
(1894–1976)

Рис. 3. Петр Николаевич
Третьяков
(1909–1976)

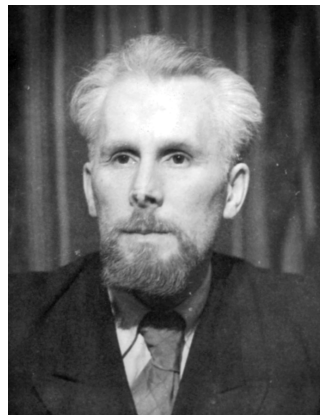

Рис. 4. Павел Николаевич
Шульц
(1990–1983)

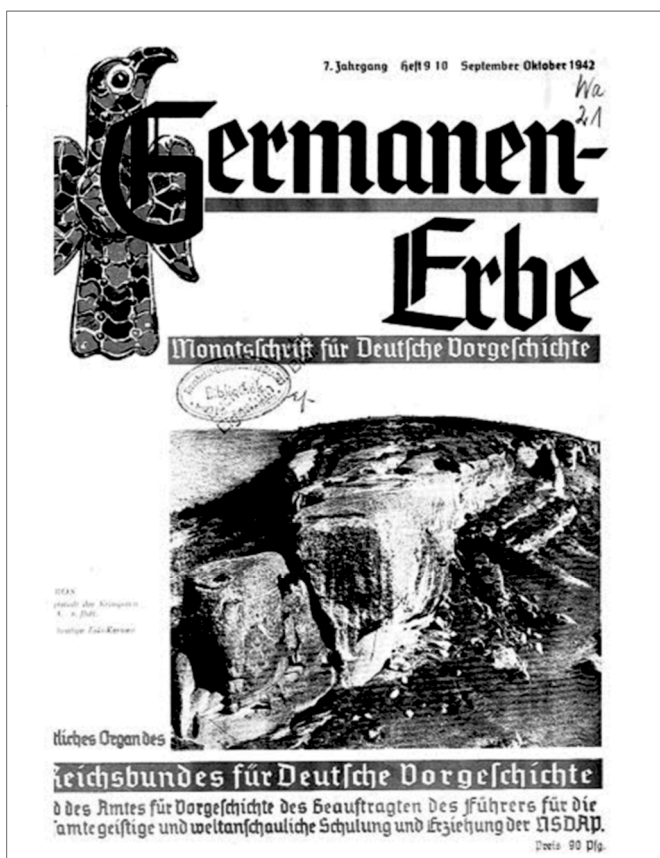

Рис. 2. Обложка альманаха
с фотоснимком
Эски-Кермена
(Берлин 1942 г.)

Рис. 5. Раскопки Неаполя Скифского в 1946 г.
(архив П. Н. Шульца)

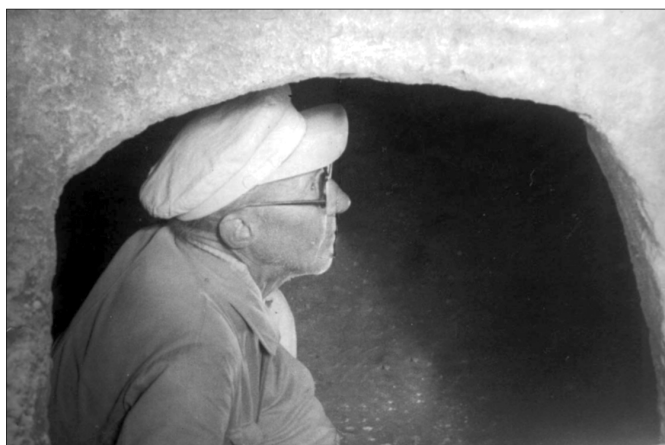

Рис. 6. Владимир Петрович Бабенчиков
(1885–1974)

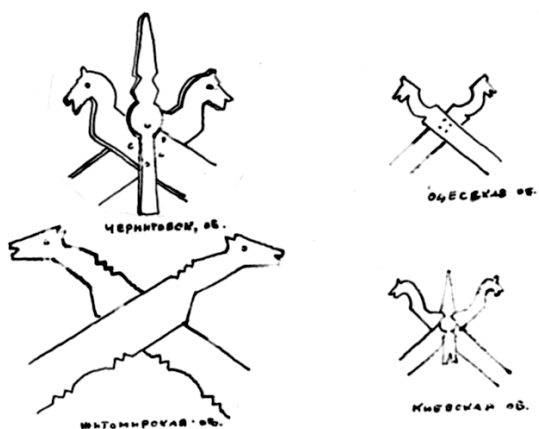

Рис. 7. Коньки крыш украинских хат и роспись в склепе некрополя Неаполя Скифского (архив П. Н. Шульца)

Рис. 8. Евгений
Владимирович Веймарн
(1905–1990)

Рис. 10. Станислав
Францевич Стржелецкий
(1910–1969)

Рис. 9. Эски-Керменская экспедиция. *Конец 1920-х гг.*
В верхнем ряду слева направо: третий – Н. И. Репников,
четвертый – П. П. Бабенчиков, восьмой – Е. В. Веймарн,
девятый С. Ф. Стржелецкий (по Акимченков, 2012)

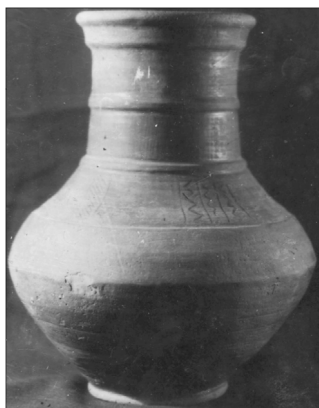

Рис. 11. Черняховский
кувшин из Чернореченского
могильника
(Архив П. Н. Шульца)

Рис. 12. Василий Иванович
Абаев
(1900–2001)

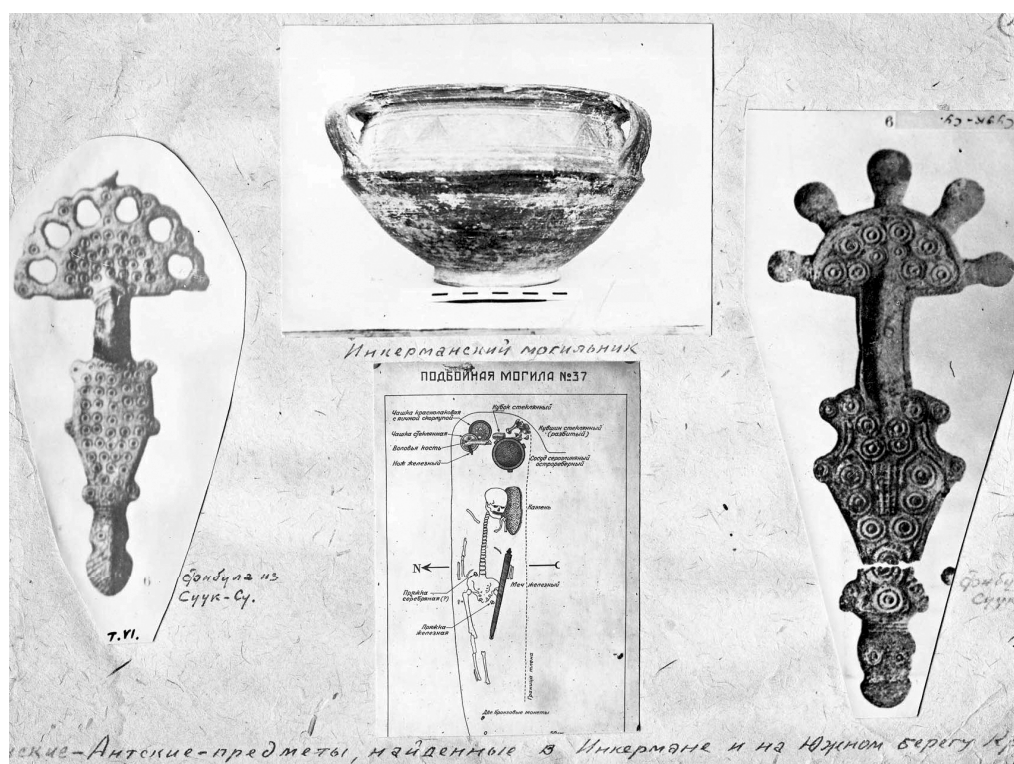

Рис. 13. Иллюстрация к докладу (?) с подписью: «Славянские-Антские-предметы, найденные в Инкермане и на Южном берегу Крыма (архив Е. В. Веймарна)

- ¹ Колтухов С. Г., Юрочкин В. Ю. От Скифии к Готии. Очерки изучения варварского населения Степного и Предгорного Крыма (VII в. до н. э. – VII в. н. э.). – Симферополь, 2004. – С. 100–186; *Заморяхин А. В.* Крымские готы в этническом пространстве средневековой Тавриды в советской и современной российской историографии // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2006. – Вып. 18; *Тункина И. В.* К истории изучения «готской проблемы» в советской археологии в 1920-х – начале 1930-х гг. // Труды II (XVIII) Археологического съезда в Суздале. – М., 2008. – Т. 3.
- ² *Перченко Ф. Ф.* «Дело Академии наук» // Природа. – 1991. – №4. – С. 96–104; *Перченко Ф. Ф.* «Дело Академии наук» и «великий перелом» в советской науке // Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР. – М., 1995. – С. 201–235; *Формозов А. А.* Русские археологи и политические репрессии 1920–1940 гг. // РА. – 1998. – № 3. – С. 192–194; *Юрочкин В. Ю.* «Готский вопрос» в советской науке 20-х годов XX века // Археологический альманах. – 2011. – № 25. – С. 243–247.
- ³ *Равдоникас В. И.* Пещерные города Крыма и готская проблема в связи со стадийным развитием Северного Причерноморья // ИГАИМК. – 1932. – Т. 12. [Готский сборник / *Krim Gotica*]. – С. 5–105; *Шнирельман В. А.* Злоключения одной науки: этногенетические исследования и сталинская национальная политика // ЭО. – 1993. – № 3. – С. 57–58.
- ⁴ [Равдоникас В. И.] О вредительстве в области археологии и ликвидации его последствий // СА. – 1937. – № 3. – С. 8.
- ⁵ *Филимонов С. Б.* Тайны крымских застенков. Документальные очерки о жертвах политических репрессий в Крыму в 1920–1940-е годы. – [Изд. 2-е, доп.]. – Симферополь, 2003. – С. 173; *Филимонов С. Б., Храпунов И. Н., Николай Львович Эрнст* – исследователь истории и древностей Крыма // МАИЭТ. – 1996. – Вып. 5. – С. 247; *Непомнящий А. А.* Профессор Николай Эрнст: страницы истории крымского краеведения. – К., 2012. – С. 323–398.
- ⁶ *Тунманн.* Крымское ханство; [пер. с немецкого издания 1784 г. Н. Л. Эрнста и С. Л. Белявской]. – Симферополь, 1936. – С. 77.
- ⁷ *Stampfus R.* Germanen in der Ukraine // *Germanen Erbe*. – 1942. – 9–10 (sept./okt.) – S. 135–140; *Wir kämpfen auf der Krim.* – Kertch-Sevastopol, 1941/1942; *Аморн Ч.* Нацистские планы порабощения и истребления народов СССР (по документам секретного архива Генриха Гиммлера) // История СССР. – 1966. – № 2. – С. 182, 183; *Колтухов С. Г., Юрочкин В. Ю.* От Скифии к Готии. – С. 106–107; *Васильченко А. В.* Окультизм миф III Рейха. – М., 2008 – С. 164–165; *Романько О. В.* Немецкая оккупационная политика на территории Крыма и национальный вопрос (1941–1944). – Симферополь, 2009. – С. 17–19.
- ⁸ *Заморяхин А. В.* Проблема локализации некоторых географических объектов области крымских готов в дореволюционной отечественной историографии // Вестник Пермского университета. – История. – 2003. – Вып. 4. – С. 21–24; *Колтухов С. Г., Юрочкин В. Ю.* От Скифии к Готии. – С. 100–102; *Заморяхин А. В.* Готы-тетракситы в дореволюционной отечественной историографии // Новый Гиперборей: межвузовский сборник научных трудов. – Пермь, 2004. – С. 71–73; *Заморяхин А. В.* Ранний период изучения области расселения крымских готов (конец XVIII – 30-е гг. XIX вв.) // Вестник Пермского университета. – 2007. – Вып. 3 (8). – С. 149–160.
- ⁹ *Равдоникас В. И.* За марксистскую историю материальной культуры // ИГАИМК. – 1930. – Т. 7. – Вып. 3–4. – 94 с.
- ¹⁰ *Алпатов В. М.* История одного мифа. Марр и марризм. – М., 1991. – С. 143–168.
- ¹¹ Историография истории Украинской ССР. – К., 1986. – С. 20.
- ¹² *Марр Н. Я.* Избранные работы: В 5-ти томах. – Л., 1933. – Т. 1. – С. 132.
- ¹³ *Шнирельман В. А.* Злоключения одной науки: этногенетические исследования и сталинская национальная политика. – С. 61–64.
- ¹⁴ *Гадло А. В.* Предыстория Приазовской Руси. Очерки истории русского княжения на Северном Кавказе. – СПб, 2004. – С. 29–66.
- ¹⁵ *Третьяков П. Н.* Восточно-славянские племена. – М., Л., 1948. – С. 31–37.
- ¹⁶ *Виноградов Ю. А.* Отдел истории античной культуры ИИМК РАН и его предшественники в РГАК – РАИМК (ГАИМК) – ИИМК АН СССР – ЛОИА АН СССР // ЗИИМК. – СПб., 2009. – № 4. – С. 15–17, 23.

- ¹⁷ *Махнева О. А.* Воспоминания о Павле Николаевиче Шульце // У Понта Эвксинского. – Симферополь, 2004. – С. 241–242; *Формозов А. А.* Русские археологи в период тоталитаризма. Историко-графические очерки. – М., 2006. – С. 77, 78.
- ¹⁸ *Шульц П. Н.* Тавро-скифская экспедиция в 1946 году // Советский Крым. – 1947. – № 5. – С. 41.
- ¹⁹ *Шульц П. Н.* Тавро-скифская археологическая экспедиция в Крыму // Советский Крым. – 1946. – № 2. – С. 111.
- ²⁰ *Шульц П. Н.* Тавро-скифская экспедиция в 1946 году. – С. 70.
- ²¹ *Зайцев Ю. П.* История изучения Неаполя Скифского (1945–1999 гг.) // У Понта Эвксинского. – Симферополь, 2004. – С. 36–37; *Шульц П. Н.* Тавро-скифская экспедиция в 1946 году. – С. 55.
- ²² *Пиоро И. С.* Складна доля археолога (до 85-річчя Євгена Володимировича Веймарна) // Археологія. – 1990. – № 4. – С. 146.
- ²³ *Махнева О. А.* Воспоминания о Павле Николаевиче Шульце. – С. 241.
- ²⁴ *Шульц П. Н.* Историко-археологические исследования в Крыму (1920–1950) // Крым. – 1950. – № 6. – С. 152.
- ²⁵ *Колтухов С. Г.* П. Н. Шульц и его роль в создании концепции позднескифской культуры // У Понта Эвксинского. – Симферополь, 2004. – С. 51.
- ²⁶ *Ременников А. М.* Борьба племен Подунавья и Северного Причерноморья с Римом в III в. [Причерноморье в античную эпоху. Вып. 6]. – М., 1954. – 147 с.
- ²⁷ *Шульц П. Н.* Тавро-скифская экспедиция в 1946 году. – С. 71; *Шульц П. Н.* Исследования Неаполя Скифского (1945–1950) // История и археология древнего и средневекового Крыма. – К., 1957. – С. 90–93.
- ²⁸ *Шульц П. Н.* Тавро-скифская экспедиция в 1946 году. – С. 71.
- ²⁹ *Шульц П. Н.* Тавро-скифская экспедиция в 1946 году. – С. 71.
- ³⁰ *Пиоро И. С.* Складна доля археолога. – С. 146.
- ³¹ *Репников Н. И.* Некоторые могильники области крымских готов // ИАК. – 1906. – Вып. 19. – С. 1–80; *Репников Н. И.* Некоторые могильники области Крымских готов // ЗООИД. – 1907. – Т. 27. – С. 101–148.
- ³² НА КФ ИА НАНУ. – Ф. 1. Е. В. Веймарн. – Д. 11: Статьи. План работы 1949 г. – Л. 28.
- ³³ *Формозов А. А.* Русские археологи и политические репрессии 1920–1940 гг. – С. 193; *Акимченков В. В.* «Академия в миниатюре»: Севастопольский музей краеведения (1923–1939). – К.; Симферополь, 2012. – С. 74–78.
- ³⁴ *Кропоткин В. В.* Из истории средневекового Крыма (Чуфут-Кале и вопрос о локализации города Фуллы) // СА. – 1958. – Т. 28. – С. 207–210; *Кропоткин В. В.* Могильник Чуфут-Кале в Крыму // КСИА АН СССР. – 1965. – Вып. 100. – С. 108–115.
- ³⁵ НА КФ ИА НАНУ. – Ф. 3. – Д. 4: *Веймарн Е. В.* Отчет об углубленных разведках аланского могильника у подножия Чуфут-Кале в 1948 г. и Приложение к отчету об углубленных разведках аланского могильника у подножия Чуфут-Кале в 1947 г. 1948 г. – Л. 4.
- ³⁶ *Шульц П. Н.* Тавро-скифская экспедиция в 1946 году. – С. 63.
- ³⁷ *Равдоникас В. И.* Пещерные города Крыма и готская проблема в связи со стадийным развитием Северного Причерноморья. – С. 89–90.
- ³⁸ НА КФ ИА НАНУ. – Ф. 3. – Д. 4: *Веймарн Е. В.* Отчет об углубленных разведках аланского могильника у подножия Чуфут-Кале в 1948 г. – Л. 30.
- ³⁹ *Майко В. В.* О локализации Фулл и Фульской епархии в раннесредневековой Таврике // Православные древности Таврики. – К., 2002. – С. 133–145; *Мыц В. Л.* О локализации Фулл и Фульской епархии // 175 лет Керченскому музею древностей: материалы международной конференции. – Керчь, 2001. – С. 80–83.
- ⁴⁰ *Кулаковский Ю. А.* Где находились Фуллы? // ЖМНП. – 1898. – Т. 2. – С. 201–202; *Бертье-Деллагард А. Л.* Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде // ИТУАК. – 1920. – № 57. – С. 108–127.
- ⁴¹ *Герцен А. Г., Могаричев Ю. М.* Крепость драгоценностей. Кырк-Ор. Чуфут-Кале. – Симферополь, 1993. – С. 39–43.
- ⁴² *Стржелецкий С. Ф.* Раскопки в Инкермане в 1940 // СА. – 1947. – Т. 9. – С. 298–300.
- ⁴³ *Веймарн Е. В.* Раскопки Инкерманского могильника в 1948 // История и археология древнего и средневекового Крыма. – К., 1957. – С. 219–237; *Веймарн Е. В.* Археологічні роботи в районі Інкермана. Інкерманський могильник // АП УРСР. – 1963. – Т. 13. – С. 15–42.

- ⁴⁴ НА КФ ИА НАНУ. – Ф. 3. – Д. 6: Материалы Инкерманской археологической экспедиции 1948 года. – Л. 83.
- ⁴⁵ НА КФ ИА НАНУ. – Ф. 1: Е. В. Веймарн: 1) Опыт реконструкции оборонительных сооружений раннесредневекового городища Эски-Кермен (статья). 2) Реферат (аннотация) к статье: «Опыт реконструкции оборонительных сооружений средневекового городища Эски-Кермен». Симферополь, 1948. – Л. 1–9.
- ⁴⁶ НА КФ ИА НАНУ. – Ф. 1: В. П. Бабенчиков. – Д. 6: Еще и еще о готах. Бабенчиков и Надинский. – Л. 1–41.
- ⁴⁷ Васильев А. А. Готы в Крыму // ИРАИМК. – 1921. – 1. – Ч. 1. – С. 1–80; Васильев А. А. Готы в Крыму // ИГАИМК. – 1927. – 2. – Ч. 2. – С. 179–282.
- ⁴⁸ Юргевич В. Н. Две печати, найденные в византийском Херсоне в 1884 году // ЗООИД. – 1886. – Т. 14. – С. 5–11.
- ⁴⁹ НА КФ ИА НАНУ. – Ф. 1: В. П. Бабенчиков. – Д. 6: Еще и еще о готах. Бабенчиков и Надинский. – Л. 40.
- ⁵⁰ Петров В. П., Шамко Е. Н. Восхождение к подвигу. – Симферополь, 1982; Ломакин Д. А. Павел Наумович Надинский: типичный представитель партийной номенклатуры или ученый-краевед? // Литература та культура Полісся. Проблеми вивчення історії та культури ХХ ст. в сучасних дослідженнях. – 2009. – Вип. 49. – С. 72–80; Ломакін Д. О. Кримська періодична преса 30–50-х рр. ХХ ст. як джерело до біобібліографії П. Н. Надінського // Українська періодика: історія і сучасність. Доповіді та повідомлення десятої Всеукраїнської науково-теоретичної конференції (Львів, 31 жовтня – 1 листопада 2008 р.). – Львів, 2008. – С. 425–437.
- ⁵¹ НА КФ ИА НАНУ. – Ф. 1: В. П. Бабенчиков. – Д. 6: Еще и еще о готах. Бабенчиков и Надинский. – Л. 42–49.
- ⁵² НА КФ ИА НАНУ. – Ф. 1: В. П. Бабенчиков. – Д. 6: Еще и еще о готах. Бабенчиков и Надинский. – Л. 49.
- ⁵³ НА КФ ИА НАНУ. – Ф. 2. – Д. 1: План научно-исследовательских работ сектора на 1950 год. – Л. 4, 86.
- ⁵⁴ Алпатов В. М. История одного мифа. – С. 181.
- ⁵⁵ Третьяков П. Н. Некоторые вопросы происхождения народов в свете произведений И. В. Сталина о языке и языкознании // Вопросы истории. – 1950. – №10. – С. 17.
- ⁵⁶ НА КФ ИА НАНУ. – Ф. 1: П. Н. Шульц. – Шульц П. Н. О статье П. Н. Третьякова «Некоторые вопросы происхождения народов в свете произведений И. В. Сталина о языке и языкознании» (Вопросы истории. – № 10. – 1950). 12 января 1951 г. Симферополь. Засед. Сектора истории и археологии. – 40 л.
- ⁵⁷ Шульц П. Н. Историко-археологические исследования в Крыму (1920–1950). – С. 154.
- ⁵⁸ Бабенчиков В. П. Чорноріченський могильник // АП УРСР. – 1963. – Т. 13. – С. 97–100. – Таб. V, 16, XII, 2.
- ⁵⁹ Там же. – С. 119–121.
- ⁶⁰ Блаватский В. Д. Харакс // МИА. – 1951. – № 19. – С. 250–291.
- ⁶¹ Там же. – С. 274.
- ⁶² Дьяков В. Н. Древности Ай-Тодора. – Ялта, 1930. – С. 17–53.
- ⁶³ Там же. – С. 49–50.
- ⁶⁴ НА КФ ИА НАНУ. – Ф. 2. – Д. 5. Протоколы научных заседаний отдела и производственных совещаний за 1952 г. – Л. 26–30, 34, 39.
- ⁶⁵ Об этом свидетельствуют рукописные материалы, обнаруженные автором в так называемом «Коктебельском архиве П. Н. Шульца», переданном в НА КФ ИА НАНУ и в настоящее время находящемся в стадии обработки. Об архиве См.: Ланцов С. Б., Шанцев М. С. К истории подводных археологических исследований Крыма (по материалам Коктебельского архива П. Н. Шульца) // Археологический альманах. – 2012. – № 28 [Древняя и средневековая Таврика. Сборник статей, посвященных 1800-летию города Судак]. – С. 319.
- ⁶⁶ Надинский П. Н. Очерки по истории Крыма. – Ч. 1. – Симферополь, 1951. – С. 23.
- ⁶⁷ Там же. – С. 23, 45.
- ⁶⁸ Там же. – С. 40.
- ⁶⁹ Там же. – С. 43.
- ⁷⁰ Там же. – С. 44.
- ⁷¹ Там же. – С. 46–48. – Рис. 18–20.

⁷² Там же. – С. 46–48.

⁷³ НА КФ ИА НАНУ. – Стенограмма объединенной научной сессии Отделения истории и философии и Крымского филиала Академии наук СССР по вопросам истории Крыма. 23–25 мая 1952 г.

⁷⁴ Юрочкин В. Ю. От Скифии к Готии. – С. 111–119.

⁷⁵ Рыбаков Б. А. Об ошибках в изучении истории Крыма и о задачах дальнейших исследований: тез. докл. на сессии по истории Крыма // Тез. доклада на сессии по истории Крыма. – Крымиздат, 1952. – С. 6; Рыбаков Б. А. Славяне в Крыму и на Тамани // Тез. доклада на сессии по истории Крыма. – Крымиздат, 1952. – С. 13–14; НА КФ ИА НАНУ. – Стенограмма объединенной научной сессии... – Л. 41–44.

⁷⁶ Махнева О. А. О плитовых могильниках средневекового Крыма // Археологические исследования средневекового Крыма. – К., 1968. – С. 160–162.

⁷⁷ НА КФ ИА НАНУ. – Стенограмма... – Л. 45–47.

⁷⁸ Абаев В. И. Сармато-боспорские отношения в отражении нартовских сказаний // СА. – 1958. – Т. 18. – С. 54–61.

⁷⁹ НА КФ ИА НАНУ. – Стенограмма... – Л. 205.

⁸⁰ НА КФ ИА НАНУ. – Стенограмма... – Л. 333–337.

⁸¹ НА КФ ИА НАНУ. – Ф. 2. – Д. 5. Протоколы научных заседаний отдела и производственных совещаний за 1952 г. – Л. 96.

⁸² Веймарн Е. В. Археологічні роботи в районі Інкермана. Могильник біля висоти «Сахарна Голівка» // АП УРСР. – 1963. – Т. 13. – С. 42–63.

⁸³ Веймарн Е. В. Стржецкий С. Ф. К вопросу о славянах в Крыму // Вопросы истории. – 1952. – № 4. – С. 94–99.

⁸⁴ Юрочкин В. Ю., Емельянова Н. С. «Инкерманское дело» Е. В. Веймарна: «славянский след» // I Бахчисарайские научные чтения памяти Е. В. Веймарна. Тез. Докл. и сообщений Международной научной конференции (5–7 сентября 2012 г.) – Бахчисарай, 2012. – С. 73–75.

⁸⁵ Шантырь С. Тайна Инкерманского могильника // Крымская правда. – 1953. – № 10 (14 января).

⁸⁶ НА КФ ИА НАНУ. – Ф. 2. – Д. 15: Протоколы заседаний Отдела истории и археологии КФ АН СССР за 1953 г. – Л. 13–29.

⁸⁷ Пиоро И. С. Складна доля археолога. – С. 147.

⁸⁸ НА КФ ИА НАНУ. – Ф. 1: Е. В. Веймарн. – Д. 35: Документы по суду над Веймарном. («Инкерманский могильник». О том, как можно обливать честных людей грязью и никто автору морду не набил). 1953 г. – Л. 14–18.

⁸⁹ Юрочкин В. Ю., Емельянова Н. С. «Инкерманское дело» Е. В. Веймарна: «славянский след». – С. 75.